

ДОКЛАДЫ

В. Н. Белопольский

ДОСТОЕВСКИЙ И ГОГОЛЬ (ГОГОЛЕВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОМАНЕ «ИДИОТ»)

Проблема «Достоевский и Гоголь» возникла с появлением первого романа Достоевского и за истекшее время накопилось немало ценных исследований на эту тему (В. В. Розанов, А. Л. Бем, Ю. Н. Тынянов, В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, В. Ф. Переверзев, В. Я. Кирпотин, Ю. В. Мани, С. Г. Бочаров, Г. М. Фридлендер). Характерно, что главное внимание при решении этой проблемы уделяется творчеству «раннего» Достоевского.

Целью моего доклада является анализ гоголевских реминисценций в романе «Идиот» и выявление причин обращения писателя к пародированию гоголевской поэтики в этом романе. При этом мы обратимся к образу генерала Иволгина — своеобразной вариации на тему «хлестаковщины» и «ноздревщины».

Главная черта вечно пьяного, неряшливо одетого генерала — стремление «поразить достоинством», аффективность манер. Однако самоутверждение генерала находит свое выражение в хвастовстве, во время которого герой мало считается с действительными фактами. Ему ничего не стоит перепутать отчество отца Мышкина («Николай Петрович» вместо «Николай Львович»), поправить князя, когда речь идет и о месте службы отца последнего (Тверь вместо Елисаветграда, Беломирский полк вместо Васильковского), и о причинах смерти его матери («умерла от простуды», «не от простуды, поверте старику... С горя по своем князе, а не от простуды» — 8; 80). Он каждому молодому человеку имеет обыкновение говорить, что носил его на руках и был самым близким другом родителей. При этом ложь возникает незаметно, как бы сама собой, как следствие вольного обращения с нагромождающимися одна на другую подробностями. Герою как бы тесно в рамках действительности и он, подчиняясь внутреннему порыву, выходит за ее пределы. Достоевский, как и Гоголь, показал «поэзию лжи».

«Поэтом лжи» вывел Хлестакова Гоголь¹. «Я несколько поэт в душе» (8; 109), — говорит о себе генерал после того, как оконфузился перед Мышкиным, приняв дом Кулакова за дом Соколовича. Ложь генерала сродни хвастовству охмелевшего Хлестакова или утверждениям Ноздрева, который неожиданно для самого себя говорит, что поймал зайца за ноги или рассказывает обстоятельства похищения Чичиковым губернаторской дочки.

При этом возникают ситуации и мотивы, прямо перекликающиеся с гоголевскими. Хлестаков беззастенчиво присваивает себе авторство «Юрия Милославского». Иволгин воспользовался описанием в газете происшествия в вагоне, заявив, что описанный случай произошел с ним самим. Будучи уличенным Настасьей Филипповной, он дает объяснения в духе гоголевского героя:

«— Уверяю же вас, — пробормотал генерал, — что и со мной точно то же случилось...

— Как! Точь-в-точь? Одна и та же история на двух концах Европы, и точь-в-точь такая же во всех подробностях, до светлоголубого платья! — настаивала безжалостная Настасья Филипповна...

— Но заметьте, — все еще настаивал генерал, — что со мной произошло два года раньше...

— А, вот разве это!» (8; 94).

Герой Гоголя с легкостью отказывается от первенства на «Юрия Милославского», удовлетворившись утверждением, что написал «другого», герою Достоевского этого мало, он настаивает на собственном приоритете.

Генерал Иволгин, подобно гоголевскому герою, любит похвастаться близостью со знаменитостью. Если Хлестаков был «с Пушкиным на дружеской ноге» и играл в карты с министром и посланниками, то Иволгин оказывается приемным сыном Наполеона. Более того, все неудачи последнего имеют своей причиной находчивость юного Иволгина. Проекту Наполеона перезимовать в Кремле не суждено осуществиться из-за вмешательства юного героя:

«Я иду», — сказал Даву. «Куда?» — спросил Наполеон. «Солить лошадей», — сказал Даву. Наполеон вздрогнул, решалась судьба. «Дитя! — сказал он мне вдруг, — что ты думаешь о нашем намерении?... Вместо Наполеона я обращаюсь к Даву и говорю как бы

¹ «Хлестаков... лжет с чувством, в глазах его выражается наслаждение, получаемое им от этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни — почти род вдохновения» (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. 4. 1951. С. 100). В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, первая цифра означает том, вторая — страницу.

Во вдохновении: «Улепетывайте-ка, генерал, восвояси!» Проект был разрушен» (8; 416).

Ноздрев, встретив Чичикова, утверждает, что выпил семнадцать бутылок шампанского. Иволгин, познакомившись с Мышкиным, уверяет последнего, что имеет в груди тринацать путь, полученных под Карсом. Причем последнее засвидетельствовано не только знаменитым русским хирургом Пироговым, но и парижским гофмедином Нелатоном, специально вызванным в Севастополь для осмотра Иволгина. За Хлестаковым было послано 35 тысяч курьеров. У Иволгина обедать «каждый день меньше двухсот персон за стол не садилось. Дошел наконец до того, что и не вставало, так что и обедали, и ужинали, и чай пили часов по пятнадцати в сутки лет тридцать сряду без малейшего перерыва... Один встает, уходит, другой приходит, а в табельные и царские дни и до трехсот человек доходило. А в день тысячелетия России так семьсот человек начел» (8; 198). Гипертрофированное вранье Иволгина сродни вранью Ноздрева, утверждавшему, что Чичикову приставили к вискам 240 пьявок («то есть он хотел было сказать 40, но 200 сказалось как-то само собой») или что у Чичикова было «на два миллиона фальшивых ассигнаций» (6; 208).

Ложь Иволгина, гипертрофируясь, переходит в фантастику, и в этом опять-таки проявляется сходство с Гоголем. «И наврет, — пишет Гоголь о Ноздреве, — совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху» (6; 71). Вранье героя Достоевского пародирует и утрирует вранье Ноздрева: у Иволгина, по его утверждению, была присяжная, которая... «заговорила» (8; 104). И, наконец, пародией не только на гоголевских героев, но и на самого Гоголя является рассказ Иволгина о Колпакове: «Дело невозможное! Дело даже, можно сказать, таинственное: умирает штабс-капитан Ларионов, ротный командир; князь (речь идет об отце Мышкина. — В. Б.) на время назначается исправляющим должность... Рядовой Колпаков совершает кражу, — сапожный товар у товарища, — и пропивает его... Князь... распекает Колпакова и грозит ему розгами... Колпаков идет в казармы, ложится на нары и через четверть часа умирает... Колпакова хоронят; князь рапортует, и затем Колпакова исключают из списков. Кажется, чего бы лучше? Но ровно через полгода, на бригадном смотре, рядовой Колпаков как ни в чем не бывало оказывается в третьей роте второго батальона Новоземлянского пехотного полка, той же бригады и той же дивизии!» (8; 82—83).

Здесь Достоевский пародирует фантастический сюжет повестей Гоголя. В «Шинели» герой умирает после распекания генерала, а затем снимает шинели с поздних путников. Гоголь называет такой

конец «фантастическим окончанием» (3; 169). Фантастический сюжет «Носа» писатель объясняет так: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают» (3; 75). Генерал Иволгин, рассказав историю рядового Колпакова, поясняет в духе Гоголя: «Случай действительно редкий, почти невозможный... случай, можно сказать, даже психологический» (8; 83).

Своего рода квинтэссенцией генеральских историй и одновременно злой пародией на них служит рассказ Лебедева об оторванной у него в 1812 году, выстрелом из французской пушки, ноге, похороненной затем на Ваганьковском кладбище. «В доказательство же зовет в Москву, — возмущается генерал «наглостью» Лебедева, — чтобы показать и могилу, и даже ту самую французскую пушку в Кремле, попавшую в плен; уверяет, что одиннадцатая от ворот» (8; 411). Пародия переходит в утрирование, доводя ситуацию до абсурда (генерал понуждается верить Лебедеву, хотя тот имеет обе ноги), аналогичному положению гоголевских героев, чуть не принявших Чичикова за одноногого капитана Копейкина.

До сих пор мы говорили в основном о скрытой перекличке Достоевского с Гоголем. Но при завершении рассказа писателя о своем герое эта перекличка становится явной. В последнем своем «путешествии», уже в бреду, генерал восклицает, обращаясь к сыну: «Где моя юность, где моя свежесть!» Как вскричал... кто это вскричал, Коля? — Это у Гоголя, в «Мертвых душах», папаша» (8; 418). Слова, процитированные генералом, действительно являются парафразой из «Мертвых душ»: «О моя юность! о моя свежесть!». «Мертвые души! — продолжает генерал. — О да, мертвые! Когда похоронишь меня, напиши на могиле: «Здесь лежит мертвая душа!» (8; 418).

В черновиках к «Идиоту» Достоевский делает такую запись: «Лебедев в своем плаче о Генерале: «Великий был человек... А даже на смертном одре солгал» (9; 254). В этом высказывании Иволгин сопоставляется уже непосредственно с Гоголем, ноздревское начало свойственно, по Достоевскому, самому автору «Мертвых душ». «Что ж это за сила, которая заставляет даже честного и серьезного человека так врать и поясничать, да еще в своем завещании», — писал Достоевский об упоминании Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями» несуществующей «Прощальной повести» как лучшем своем произведении. «Сила эта русская», ее причина — «уничтожение веры в общие правила. *«Нет ничего святого»*» (16; 330) — поясняет Достоевский.

Достоевский, как нам кажется, не только использует гоголевские мотивы и приемы, пародируя и заостряя их, но и следует Гоголю в самой схеме развития комического, показывая перерастание «поэзии лжи» в трагикомедию.

Эту схему можно представить следующим образом, поясняющие примеры легко найти среди тех, которые приводились выше:

герою тесно в рамках действительности, и он, давая простор фантазии, выдумывает факты, нагромождает их друг на друга;

в круг этих фактов вовлекаются события общезвестные, упоминаются знаменитости, что делает ложь явной и усиливает комический эффект;

дальнейшее нагнетание лжи приводит к нелепым преувеличениям, гипертрофии подробностей;

гипертрофия переходит в фантастику;

фантастика, в свою очередь, переходит в фантасмагорию, за которой следует полное умопомрачение (чиновники не в силах понять ложь Ноздрева, Мышкин — Иволгина)¹.

Создавая образ генерала Иволгина, полагает Р. Г. Назиров, Достоевский опирался на конкретные наблюдения над генералом Ф. Л. Холчинским, дедом мемуаристки Е. А. Штакеншнейдер, и ориентировался на образ библейского Ноя². Думается, что сделанные выше наблюдения позволяют дополнить выводы исследователя. Достоевский в своей работе над образом генерала в качестве вечного ориентира избрал не только Ноя, но и образы Н. В. Гоголя, используя приемы последнего и споря с ними.

В чем же причины обращения Достоевского к пародии на Гоголя, к пародии «против него», если употребить выражение Ю. Н. Тынянова? Тынянов видит причину «борьбы Достоевского с Гоголем» в неприятии гоголевского метода художественной типизации³. Нам кажется, что характер полемики с Гоголем в «Идиоте» позволяет выявить причины более общего, мировоззренческого порядка. Имеется в виду различие религиозных позиций Достоевского и Гоголя. Христианство Гоголя, если определить его в наиболее общем плане, — это народное православие, в котором вера в христианские догматы сочетается с пережитками язычества и суевериями (верой в ведьм, чертей, русалок, в необъяснимые таинства).

¹ «... Ноздрев понес такую околесину, которая не только не имела никакого подобия правды, но даже, просто, ни на что не имела подобия, так что чиновники, вздохнувши, все отошли прочь; один только полицмейстер долго еще слушал, думая, не будет ли, по крайней мере, чего-нибудь далее; но наконец и рукой махнул, сказавши: «Черт знает, что такое!» (6; 209). «Но как ни напрягался князь, как ни вслушивался, он буквально ничего не мог понять. Генерал говорил минут десять, горячо, быстро, как бы не успевая выговаривать свои теснившиеся толпой мысли; даже слезы заблистали под конец в его глазах... — Довольно! Вы меня поняли, и я спокоен, — заключил он вдруг» (8; 404).

² Назиров Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. I. — Л., 1974. — С. 209—212.

³ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 291, 201.

ственные случаи и т. п.). Д. С. Мережковский в статье «Гоголь и черт», характеризуя отца Матфея, под влияние которого подпал писатель, отмечает, что «это был самый обыкновенный мужичок». «Во всем существе о. Матфея — не только ничего гениального, поразительного, но и ничего выдающегося, особенного, даже почти ничего личного, ничего своего. Но в этом-то именно отсутствии личного и заключалась главная сила, тайна власти его... О. Матфей для Гоголя чистейший представитель чистейшего православия...»¹.

Г. М. Фридлендер, оценивая отношение Достоевского к Гоголю — автору «Выбранный мест», к Гоголю «моралисту и дидактику», отметил полемику против «отвлеченного, упрощенного и однолинейного решения» «вечных» вопросов общественного бытия². Думается, что и религиозные взгляды Гоголя казались Достоевскому «упрощенными и однолинейными»: «Идеал Гоголя странен: в подкладке его христианство, но христианство его не есть христианство» (24; 303—304). Не отрицая существования «иных миров», не отрицая возможности чуда (вспомним «Кану Галилейскую» в «Братьях Карамазовых»), писатель подходил к этим вопросам как человек, овладевший вершинами философских и научных знаний. В этом отношении он близок В. С. Соловьеву, который, говоря о фантастическом в искусстве, писал: «И вот отличительный признак подлинного фантастического: оно никогда не является, так сказать, в обнаженном виде. Его явления никогда не должны вызывать принудительной веры в мистический смысл жизненных происшествий, а скорее должны указывать, намекать на него. В подлинно фантастическом всегда является внешняя, формальная возможность простого объяснения обыкновенной всегдашней связи явлений, причем, однако, это объяснение окончательно лишается внутренней вероятности. Все отдельные подробности должны иметь повседневный характер, и лишь связь целого должна указать на иную причинность»³.

Подход Гоголя, который разрывал связь фантастического и реального, игнорировал «обыкновенную, всегдашнюю связь явлений»⁴, вызывал у Достоевского неприятие, был спародирован им на страницах романа «Идиот».

¹ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет.— М., 1991. — С. 292.

² Фридлендер Г. М. Достоевский и Гоголь // Достоевский: Материалы и исследования. — Т. 7. — Л., 1987. — С. 21.

³ Соловьев В. С. Собр. соч. — Т. VIII. — СПб., 1903. — С. 411.

⁴ «В «Носе» Гоголь далек... от снятия тайны реальным планом, с помощью реально-причинных мотивировок», — отмечает современный исследователь. В повести выражен «бунт против диктата мышления и реальности» (Мани Ю. Н. Поэтика Гоголя. — М., 1988. — С. 87, 97).